



А. П. СЕЛИВАНОВСКИЙ

Памяти М. А. Волошина

У Максимилиана Волошина была странная и тяжелая судьба.

Крупный и своеобразный поэт, человек большой образованности, особенно хорошо изучивший французскую историю, литературу и философию, один из оплотов русского символизма, лично знавший лучших представителей международного символизма и переписывавшийся с ними, художник, во многом родственный Богаевскому, но отличный от него и не вышедший дилетантом в живописи, — он последние 14 лет провел в полном отрыве от современности, от страны, от эпохи. Коктебель, уголок на юго-восточном побережье Крыма, он превратил в место своего добровольного отшельничества. Неподалеку от него, в Феодосии, жил другой добровольный крымский отшельник, недавно умерший беллетрист А. Грин. Грин создал в своем творчестве фантастическую страну Зурбаган. Волошин хотел фантастически преобразовать свой Коктебель. Говорили: «А, Коктебель... Это, кажется, резиденция Волошина?». Забывались образы, созданные его поэзией. Но среди писателей жил образ странного человека, который сорок лет назад впервые появился в Коктебеле и навсегда ввел в свою биографию рубашку, похожую на хитон, и ленту-обруч, сдавливавшую непокорный хаос густых кудрей. Многочисленные художники рисовали его портреты. В очертаниях скал, отделявших Коктебель от опрокинувшегося в море потухшего вулкана Кара-Даг, искали сходство с профилем Волошина. Потом его стали забывать. Легенда, созданная из преувеличений, стала анахронизмом. И последние годы были годами постепенного, мучительного физического угасания Волошина и постепенного потускнения памяти о нем. Тонкие нити, связывающие с внешним миром, все более утончались. Теперь они оборвались. Волошин умер пятидесяти шести лет. Это не очень большой возраст. Но Волошин уже ряд лет назад стал историческим документом. Более чем кто-либо из его литературного поколения, он принадлежит истории.

Как это произошло? Русский символизм был блестящей школой буржуазного искусства. Он одно время занимал командные высоты в поэзии, музыке, живописи, отчасти — театре. Его расцвет связан с годами реакции, последовавшей за пятым годом. Отдельные символисты в революции 1905 года могли писать революционные стихи. Некоторые символисты в годы империалистической войны сумели уберечься от шовинистического похмелья. Иные из них, после 1917 годы попытались пойти вместе с революцией пролетариата. Но в конечном счете все они, хотя и по не вполне совпавшим путям, шли до поры до времени в фарватере буржуазной реакции в искусстве. Особое положение занимал в символизме Волошин. Последовательный носитель принципов анархистствующего индивидуума, он не захотел примкнуть ни к одному из враждующих классов. Подобно прежнему Роллану, он пытался все время оставаться «над схваткой», — но только подобно. Ибо «над схваткой» он занял позицию бездействующего фаталиста-индивидуалиста, целиком отдавшего себя делу символистского искусства, — но и только. Искусство он противопоставил всякому общественному движению.

В 1905 и 1906 годах Блок, Брюсов, Белый, даже Сологуб написали ряд революционных стихотворений. Волошин, бывший тогда в Париже, откликнулся на события тех годов мрачным стихотворением «Ангел мщения», этой программой воинствующей реакции, основной идеей которого были евангельские слова: «Поднявший меч от меча и погибнет»¹. Разумеется, в представлении Волошина, меч поднимал народ.

Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

В 1914 году Сологуб, Брюсов, Бальмонт писали патриотические стишки во славу «колыбели славян»² и «племен освободителя, державного русского меча»³. Но и здесь Волошин остался верным себе. Его не радовала война, не волновали судьбы отечественного оружия. Однако ошибкой было бы думать, что он возвысился до интернационализма, хотя бы и в мелкобуржуазном его понимании. Он отвергал русскую империалистическую экспансию, чтобы возвеличить рабью покорность русского народа. Понятно, что объективно это было апологетикой повиновения самодержавию.

Взвивайся, стяг победный...
Что в том, Россия, тебе!
Пребудь смиренной и бедной —
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всей красотой земли...
...Как сердце никнет и блещет
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам⁴.

Здесь дана целая программа непротивления злу самодержавия. Но что произошло с Волошиным, когда пали путы с ног русского народа? Начиная с 1917 года, стихи Волошина приобретают гневную силу возмущения против наступающей революции пролетариата. Изданные в свое время стихи его, написанные 1917 году, порой являются плохим переложением в рифмованные строки самых оголтелых лозунгов буржуазно-бульварных газет. Он восхищается Бонапартом, который «глядит с презрением, холоден и нем, на буйных толп бессмысленную толочь»⁵, на якобинский Париж. Он пишет «Стенькин суд», где между днями 17-го года и «великой, темной, окаянной» Русью с ее «тремя угодниками — Гришкой Отрепьевым, Емелькой Пугачевым и Стенькой Разиным» — проводится прямая аналогия — в осуждение 17-го года.

Из сказанного не следует, что Волошин был субъективно на стороне белой контрреволюции. В одном из последних стихотворений он гордится тем, что его дом был открыт всем ветрам, и что в нем в равной мере находит приют «и красный вождь, и белый офицер»⁶. Но это и значит, что объективно Волошин был врагом социалистической революции. Он не понял ее и внутренне противился ей. Но за границу с белыми кораблями он сознательно не поехал. Библиотечный зал своего дома он захотел сделать мирным островом среди схваток борьбы классов.

И здесь умерла его поэзия. Она умерла не потому, что он был физически болен, но прежде всего потому, что ей стало душно на вольном просторе освобожденной страны. Поднимаясь до тона обличительного пафоса, когда речь шла о недопустимости активной борьбы, — на баррикадах ли или в окопах царской армии, все равно, — она во всем прочем оставалась комнатной, интимно-блеклой. Последовательный и здесь, Волошин требовал для поэта сурового подвига отрешения от всего житейского и жизненного. Тогда лишь, — по его мнению, — уйдя в себя и став слепой в мире, поэзия могла стать подлинно-зрячей.

Он создал мистический культ «царевны солнца — Таиах»⁷, он развернул в цикле своих стихов величественно-тоскливую панораму древней Киммерии. «Горькая душа тоскующей полыни»⁸ качается и течет в строках его произведений. И сам Коктебель предстает в его стихах как образ Голгофы — так безнадежны и безотрадны его контуры.

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.
По долинам тонким дымом зацветает внизу миндаль
И лежит земля страстная в черных ризах и орарях⁹.

И еще:

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне¹⁰.

Поэзия Волошина, такая отчужденная от нас, только и могла окрепнуть в черные дни реакции после 1905 года. Волошин шел особым путем. Он останется в истории русской предреволюционной поэзии. Но он никакими своими сторонами не соприкасается даже с истоками поэзии социализма. Его судьба — судьба мечтателя-индивидуалиста, гуманиста и непротивленца, полной грудью вдыхавшего культурную атмосферу этого строя, строя эксплуатации, и не пожелавшего — хотя бы на время — взглянуть широко открытыми глазами на исключительные события, происходящие вокруг него. Сосуды его творчества тем самым закупорились. В последние месяцы своей жизни, страдая тяжелой болезнью сердца и астмой, он прибегал к помощи кислородной подушки. Но творческого кислорода уже не мог получить.

Его бережно охраняли. Дом его имел особенную охранную грамоту. Нигде еще поэт, чуждый господствующему строю, не мог встретить такого внимательного к себе отношения. Но искусство шло своим путем, помня о биографии и все более забывая о творчестве. Это не всегда было справедливо. Но в этом — расплата за ложность позиций, и одновременно — урок.

<...>

<1932>

